нулевой пилот

крючков ю.в.



Юрий Крючков
НУЛЕВОЙ ПИЛОТ

https://litres.ru/74991998
SelfPub; 2026

Аннотация

«Девушка и машина, которая помнит её лучше, чем она себя. 2149 год, земля разрезана на анклавы, а по пустошам ходят боевые машины без пилотов. Марта — нулевой пилот: единственная, чей мозг соединяется с живой рамой без имплантов. Цена этой связи — её собственная память. Каждый бой отнимает у неё кусочек прошлого. Но если не рисковать памятью, не выживет никто. Меха-нуар о том, как сталь становится семьёй».

Содержание

Пролог. Ночь, когда упало небо 5
Глава 1. «Мусорный ветер» 9
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Юрий Крючков
НУЛЕВОЙ ПИЛОТ

Пролог. Ночь, когда упало небо



Небо загорелось в четверг. Марта потом не раз пыталась вспомнить, был ли это обычный четверг — с хлебом, который крошился на столе, с пылью на подоконнике, с тем особенным вечерним светом, когда тени становятся длиннее, а мир будто чуть-чуть замедляется. Но в её памяти от того вечера осталось только одно: тишина. Такая плотная, что слышно было, как у матери стучит сердце сквозь куртку.

Сначала погасли спутники. Не по одному, не с перебоями — разом. Будто кто-то выдернул шнур из розетки мира, и горизонт остался стоять в темноте, как пустая рама окна без стекла.

А потом на юге встал второй восход — белый, беззвучный, расползающийся по небу грибами. Он не кричал, не ревел, не требовал внимания — он просто был, огромный и равнодушный, как приговор, написанный на небе. Мать вытолкнула Марту под стол, накрыла старой ватой, пахнущей пылью и сухими травами, и сказала что-то — Марта не запомнила слов. В тот же миг орбита начала осыпаться.

Осыпалась она всю ночь. Обломки падали медленно, величаво, как снег, которому нечего больше терять. Один осколок был величиной с деревню. Он не сгорел в атмосфере — он планировал, накренился и врезался в километре от дома, в старый известковый карьер. Земля вздохнула. Стёкла легли внутрь комнат, как осыпавшиеся зубы.

Марта не помнила грома. Она помнила тишину после него

— такую густую, что казалось, будто звук ушёл из мира навсегда. И в этой тишине было слышно, как у матери дрожит рука, когда она прижимает Марту к себе.

К рассвету из кратера поднялся дым, а из дыма — фигура. Пятнадцать метров железа, покорёженного, без головы, на одном живом колене. Рама. Из её разорванного борта вылез человек — маленький на этом фоне, в чёрном костюме, облитом затвердевшей пеной. Он шёл к селу, шатаясь, и вёл за собой руку машину, как ведут за повод раненого зверя. Рама ползла за ним на четырёх суставах, повиливая, и тонула в карьерной пыли по грудь.

Человек дошёл до первого забора и упал. Мать, которая тогда ещё не была камнем и лещом для чужой беды, подбежала первой.

Он был молодой. Из-под пены торчали тёмные волосы, светлые глаза смотрели не на людей — сквозь них, внутрь себя, туда, где умирал его напарник из железа.

— Спрячьте её, — сказал он вместо «здравствуйте». Голос был сорван, но вежливый, как у человека, который всю жизнь говорил в эфир. — Она не битая. Она просто устала.

— Кто «она»? — спросила мать.

Он усмехнулся кровью.

— Машина. Она девочка. Она боялась всю ночь, а я не мог её обнять — руки были заняты, — он моргнул, будто забыл какое-то важное слово, — заняты войной. Спрячьте. Ключ внутри неё. Ключ — это человек, который её услышит.

Когда-нибудь.

И умер до того, как Марта, выглядывающая из-под стола матери, успела спросить, о чём он.

Рама в кратере ещё простояла три дня. Она смотрела на восходы безголовой, будто всё ещё ждала, что человек встанет, отряхнётся и скажет: «Поехали дальше». На четвёртый день, в тот час, когда село спало, рама тихо, без огня, без звука, сама разобрала себя на части и развалилась по карьерному дну, как море по песку. На следующий день пришли вертолёты Федерации и нашли кратер пустым.

Официальная запись гласила: падение обломка, жертв нет.

Неофициальная запись нигде не гласила.

Марте было пять лет. Она запомнила только, что упавшее небо всё-таки было живым, что оно умерло вежливо и что кто-то очень большой боялся всю ночь.

Через двенадцать лет она провалится в карьерную промоину по самое горло, ругаясь на свой лом — и услышит снизу, из-под слежавшейся глины, голос. Спокойный, сорванный, очень вежливый.

«Марта. Ты почти наступила мне на лицо. Прошу, одумайся».

И вот тут начнётся всё остальное.

Глава 1. «Мусорный ветер»



Утро в анклаве «Сорок Девятый» начиналось не с петухов и не с рассвета — оно начиналось с ветра. Он приходил раньше солнца, как будто проверял, кто ещё держится на ногах, а кто уже сдался и лёг в пыль. Ветер был злым, терпеливым и очень деловитым: он знал, где лежат самые острые осколки стекла, где лучше всего цепляется ржавчина, и как одним порывом вытряхнуть из человека последние иллюзи-и.Марта шла по гребню карьера, прижимая к груди лом, как

будто это был не кусок железа, а талисман. Лом был тяжёлый, неудобный, но с ним она чувствовала себя чуть менее одинокой. В этих местах одиночество было не тишиной — оно было угрозой.Она остановилась у края новой промоины — свежей, будто земля только что зевнула и не успела закрыть рот. Ветер срывал комья глины, они падали вниз, глухо стучали по чему-то твёрдому. Марта прищурилась. Внизу, в полумраке, что-то блеснуло — не как отполированный металл, а как сталь, которая устала, но ещё помнила, что она сталь.— Ну, давай, — прошептала она себе, будто уговаривая не страх, а саму землю. — Если там хоть кусок рамы, я смогу обменять его на патроны. Если там ничего — я просто вернусь и скажу, что ветер был слишком сильным.Спуск был не долгим, но честным: каждый выступ норовил выскользнуть из-под подошвы, каждый камень будто специально ждал, чтобы подставить ребро. Марта спускалась, цепляясь за выступы, чувствуя, как глина скользит под подошвами, как ветер пытается сорвать её вниз, как будто ему было важно, чтобы никто не касался того, что лежало внизу.Когда она добралась до дна промоины и встала на твёрдое, то поняла: это не просто железо. Это был борт. Гладкий, но изрезанный, с заклёпками, которые выглядели так, будто их ставили не для красоты, а чтобы удержать вместе что-то, что хотело развалиться.Марта провела ладонью по металлу. Он был холодным, но не мёртвым. В нём чувствовалось напряжение, как в натянутой струне, которую никто не трогал го-

дами, но которая всё ещё помнила звук.— Ты чья? — тихо спросила она, будто рама могла ответить.И рама ответила.Не словами. Светом. Из щели между панелями пробился узкий луч холодного голубого света, скользнул по её лицу, по руке, будто ощупывал. Марта отшатнулась, но не убежала. Она знала этот свет — так светились интерфейсы старых рам, когда система пыталась найти пилота.— Ты… живая? — прошептала она.В ответ — тишина. Но в этой тишине было что-то большее, чем отсутствие звука. Было ожидание.Марта наклонилась, вгляделась в панель. Маркировка почти стёрлась, но в одном месте металл был чище, будто кто-то уже пытался её протереть. Там, в углублении, едва читались буквы: «ЯНУС».— «Янус», — повторила она вслух, и слово прозвучало как пароль, который она не знала, но который вдруг оказался её именем.И тогда из глубины рамы раздался голос. Не из динамика — будто прямо в голове, спокойный, вежливый, сорванный от долгого молчания.«Марта. Ты почти наступила мне на лицо. Прошу, одумайся».Она отпрянула, прижала руки к вискам, будто пыталась вытолкнуть этот голос наружу.— Кто это? Кто говорит?«Я — Янус. И, кажется, мы с тобой давно знакомы. Только ты тогда была слишком маленькой, чтобы запомнить».Марта стояла, не в силах пошевелиться. Ветер свистел над карьером, глина осыпалась, а она смотрела на борт рамы, и вдруг поняла: это не железо ждало, пока его найдут. Это она ждала, пока её найдут.

Прошло несколько минут, прежде чем она снова смогла дышать. Не глубоко — мелко, короткими вдохами, как будто боялась, что если вдохнёт слишком много, то этот голос растворится в воздухе.— Откуда ты знаешь моё имя? — наконец спросила она, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, а не как шёпот, который вот-вот сломается.«Из твоих воспоминаний. Точнее, из тех, что я сохранил. У меня есть доступ к фрагментам твоей памяти — не ко всем, а к тем, что связаны с резонансом. Ты помнишь падение? Тот вечер, когда небо горело?»Марта почувствовала, как внутри всё сжалось. Она не любила вспоминать тот вечер. Он был слишком ярким, слишком громким, слишком тихим — всё сразу, и от этого воспоминания рассыпались, как стекло под ногой.— Я помню только тишину, — сказала она. — И как у мамы стучало сердце.«А я помню человека, который просил спрятать меня. Он знал, что ты — ключ. Он не знал, что ты станешь пилотом. Он просто знал, что однажды ты меня найдёшь».— И что теперь? — Марта обвела рукой промоину, глину, ржавый борт. — Я нашла. Что дальше?«Дальше — выбор. Мы можем остаться здесь, и ты уйдёшь, и я снова стану просто железом. Или мы можем попробовать синхронизироваться. Это больно. Это опасно. И это необратимо».Марта усмехнулась, и в этой усмешке было больше горечи, чем веселья.— Необратимо — это про мою жизнь. Я уже всё выбрала, когда пошла сюда с ломом.«Тогда дай мне руку. Не к панели — просто руку. Мне нужно почувствовать твой пульс. Нейрорезонанс

начинается с ритма».Она колебалась всего секунду. Потом протянула руку и коснулась гладкой, холодной поверхности рядом с панелью. Металл отозвался лёгкой вибрацией, будто вздохнул.И в тот же миг мир дрогнул.Не физически — внутри. В висках застучало, как будто кто-то включил чужой пульс рядом с её собственным. Перед глазами мелькнули обрывки: не её воспоминания, а чужие — коридор в бункере, запах озона, голос, который говорил: «Держи ритм, не отпускай». Потом вспышка — и снова промоина, глина, ветер, и Марта поняла, что стоит на коленях, а лоб упирается в борт рамы.«Прости, — прозвучало в голове. — Первый контакт всегда грубый. Ты совместима. Более чем. Ты — нулевой пилот».— Что это значит? — она подняла голову, чувствуя, как по виску стекает капля пота. — Что со мной?«Это значит, что твой мозг может соединиться с моей системой без имплантов. Без решётки памяти. Ты слышишь меня не через динамики — ты слышишь меня как себя. И я слышу тебя. Каждый страх, каждую мысль, которую ты стараешься спрятать».Марта закрыла глаза. Ей вдруг стало страшно не от того, что машина говорила с ней, а от того, насколько точно она угадывала её мысли.— Если ты всё слышишь, тогда скажи: зачем я здесь?«Чтобы выжить. Чтобы не дать миру забыть, что сталь тоже умеет горевать. И чтобы остановить тех, кто хочет использовать эту связь как оружие».Ветер наверху снова взвыл, и сверху посыпались мелкие камни. Один из них ударил по борту рамы, отскочил и упал рядом

с Мартой. Она вздрогнула.— Здесь небезопасно, — сказала она, скорее себе, чем раме. — Если кто-то увидит…«Если кто-то увидит, они заберут меня. А тебя сделают подопытным образцом. Федерация Кобальт не любит аномалий. Они любят контроль».Марта встала, вытерла руки о куртку. На пальцах осталась рыжая пыль — не просто ржавчина, а память о том, сколько лет эта рама пролежала в земле.— Значит, надо спрятать тебя. Или… вытащить.«Вытащить — значит начать войну. Спрятать — значит отложить её. Но не отменить».Марта посмотрела на борт, на едва заметные буквы «ЯНУС», на голубую полоску света, которая всё ещё мерцала, как пульс.— Ладно, — сказала она, и в её голосе прозвучала решимость, которой она сама не ожидала. — Сначала спрячем. Потом разберёмся, кто тут кого использует.«Принято, пилот. Я буду следовать твоим приказам. В пределах своих возможностей».— Никаких приказов, — Марта покачала головой. — Ты не машина для приказов. Ты… напарник.«Спасибо. Это слово мне нравится больше, чем объект или ресурс».

Они провели ещё полчаса, маскируя промоину: Марта сбрасывала сверху глину и камни, стараясь сделать так, чтобы провал выглядел как обычный обвал. «Янус» подсказывал, какие участки борта лучше прикрыть, чтобы не было видно маркировки.

Когда работа была закончена, Марта отошла на несколько шагов и посмотрела на результат. Промоина выглядела как

ещё одна рана на теле карьера — ничем не примечательная, если не знать, что внутри неё прячется живая рама.

— Так, — выдохнула она. — Теперь надо придумать, как вернуться в анклав и не выглядеть так, будто только что нашла сокровище.

«Просто не улыбайся. В этом мире улыбка — это либо безумие, либо приглашение к драке».

Марта фыркнула.

— Знаешь, для машины ты слишком много понимаешь в людях.

«Я изучал их. Двенадцать лет у меня было на то, чтобы слушать ветер и вспоминать. Люди — это не только приказы и протоколы. Это ещё и страх, и надежда, и привычка держаться за что-то тяжёлое, когда мир качается».

Марта подняла лом и снова прижала его к груди — уже не как талисман, а как привычную тяжесть, которая помогала чувствовать себя настоящей.

— Пошли, напарник, — сказала она, глядя на склон. — Пора возвращаться.

И, не оглядываясь, начала подниматься вверх, туда, где ветер снова пытался выдуть из неё последние остатки спокойствия.



Подъём дался тяжелее, чем спуск. То ли глина под ногами стала предательски скользкой, то ли сама земля не хотела отпускать Марту от находки. Каждый шаг отзывался в груди странным эхом — будто пульс «Януса» всё ещё гудел где-то рядом, не решаясь отпустить её одну.

— Не торопись, — голос прозвучал не в ушах, а прямо в висках, ровный, без паники, но с той интонацией, с какой опытный напарник одёргивает новичка. — Склон осыпается. Держись левее, там выступ с трещиной — он держит.

Марта послушно шагнула влево, и в тот же миг справа из-под ноги вырвался пласт глины и с глухим стуком покатился вниз, увлекая за собой мелкие камни. Она замерла, при-

жавшись к стене промоины, чувствуя, как по спине ползёт холодный пот.

— Спасибо, — выдохнула она, стараясь, чтобы это прозвучало буднично, будто каждый день получает советы от ржавой машины.

«Пожалуйста. Я помню эту местность. Двенадцать лет назад здесь был край обвала. Грунт до сих пор нестабилен».

— Ты помнишь… местность? — переспросила она, поднимая взгляд на неровный край промоины, где небо казалось узкой серой лентой.

«Я помню всё, что видел. И всё, что слышал. Ветер, шаги, голоса людей, которые приходили сюда и уходили, не найдя ничего. Или найдя — и не поняв».

Марта хмыкнула, но в этом звуке не было веселья — только попытка спрятать дрожь.

— Значит, ты тут не просто лежал. Ты… следил.

«Следил. Ждал. Искал тот самый ритм, который подойдёт».

Она наконец добралась до края и, уперевшись ладонями в землю, выбралась наверх. Ветер тут же накинулся на неё, как старый знакомый, который рад, что она снова появилась в его владениях. Он швырнул в лицо горсть пыли, заставил прищуриться и оглядеться.

Вокруг — всё тот же унылый пейзаж: выветренные склоны, ржавые рёбра старых конструкций, торчащие из земли, как кости давно погибшего зверя, и вдали — неровная линия

анклава «Сорок Девятый»: ряды контейнеров, обложенных мешками с песком, колючая проволока, редкие фонари, которые горели даже днём, потому что в этих местах сумерки наступали слишком рано.

Марта отряхнула куртку, стараясь стряхнуть не только глину, но и ощущение, что за ней наблюдают. Лом она по-прежнему прижимала к груди — теперь уже не как талисман, а как привычную тяжесть, которая делала её похожей на всех остальных мародёрш, что бродят по окраинам.

— Ладно, — сказала она, скорее себе, чем «Янусу». — Идём. Главное — не бежать. Если побежишь, все сразу поймут: что-то случилось.

«Принято. Держи темп. И не смотри на промоину. Любой взгляд в ту сторону — это приглашение для чужих глаз».

Она кивнула, будто кто-то мог это увидеть, и пошла вперёд — не спеша, но и не медленно, ровно так, как ходят те, кто просто вернулся с пустыми руками.

Но не успела она сделать и десяти шагов, как из-за груды ржавых плит, которые когда-то были частью какого-то цеха, выскользнула фигура. Не патрульный — слишком небрежная походка, слишком жадный взгляд. Это был Борщ — мелкий делец, который знал все дыры в периметре и всех, кто через них пробирался. Он носил кожаную куртку с нашивками, которые должны были внушать уважение, но на деле выглядели как попытка скрыть дыры.

— Мышь! — крикнул он, растягивая губы в улыбке, от

которой становилось не по себе. — А я тут думаю: куда это наша маленькая хищница запропастилась? Уже начал переживать… почти.

Марта остановилась, стараясь не сжимать лом слишком сильно.

— Чего надо, Борщ? У меня нет времени на разговоры.

Он подошёл ближе, поводя носом, будто принюхивался.

— Да вот, знаешь… слухи ходят. Говорят, в карьере сегодня что-то упало. Или кто-то. И будто бы кто-то очень шустрый туда уже успел заглянуть.

Марта пожала плечами, стараясь выглядеть равнодушной.

— В карьере каждый день что-то падает. Это карьер. Он для этого и нужен.

Борщ прищурился, его взгляд скользнул по её куртке, по рукам, по лому.

— А ты вся в глине. И руки дрожат. Это ты от ветра? Или от того, что нашла что-то, о чём не хочешь рассказывать?

Внутри у Марты всё сжалось. Она чувствовала, как «Янус» тихо шепчет где-то на краю сознания: «Не лги. Лжи он почувствует сразу. Дай ему правду — но не всю».

— Нашла кусок железа, — сказала Марта, стараясь говорить ровно. — Тяжёлый, ржавый, никому не нужный. Спускалась, чуть не упала — вот и трясёт.

Борщ хмыкнул, наклонил голову, будто пытался заглянуть ей прямо в мысли.

— Кусок железа… Знаешь, Мышь, в наше время даже ку-

сок железа может стоить дорого. Особенно если он не просто кусок, а часть чего-то большего.

— Это не часть чего-то, — твёрдо сказала Марта. — Это просто лом. Я его даже не взяла — слишком тяжёлый.

Он ещё несколько секунд смотрел на неё, потом медленно кивнул, будто принимая её слова — или делая вид, что принимает.

— Ладно. Пусть будет лом. Но если вдруг найдёшь что-то… особенное… ты ведь знаешь, кому первому сказать, правда?

Марта кивнула, не доверяя своему голосу.

— Конечно. Тебе.

— Вот и умница, — он хлопнул её по плечу — жест, который должен был быть дружеским, но оставил после себя ощущение тяжести. — Держи нос по ветру, Мышь. И не лезь туда, где тебя не ждут.

С этими словами он развернулся и исчез за грудой плит, оставив после себя только запах машинного масла и ощущение, что этот разговор был не просто случайной встречей.

Когда шаги Борща стихли, Марта выдохнула, только теперь понимая, как сильно она задерживала дыхание.

— Он что-то знает, — прошептала она.

«Не знает. Чувствует. В таких местах слухи разносятся быстрее ветра. Кто-то видел, как ты спускалась. Кто-то заметил, что ты задержалась. Для таких, как Борщ, это уже повод копать глубже».

— И что теперь? — она посмотрела на анклав, на неровные ряды контейнеров, на редкие фигуры людей, которые двигались между ними, как тени. — Мне туда идти. А я чувствую себя так, будто на мне написано: «Я нашла живую раму».

«Тогда сделай так, чтобы никто не читал. Сбрось напряжение. Вспомни что-то обычное: запах горячего чая, скрип двери в твоей комнате, голос соседа, который вечно жалуется на ветер. Вернись в обычный день. Пусть это будет твоей маской».

Марта закрыла глаза на секунду, пытаясь поймать это ощущение обыденности. И вдруг вспомнила: вчера вечером она чинила застёжку на куртке. Иголка была тупой, нитка рвалась, и она тихо ругалась, а из соседнего контейнера доносился голос старика, который рассказывал кому-то историю про старые времена — про небо, которое было синим, а не ржавым.

Она открыла глаза, и мир будто стал чуть менее острым. Плечи опустились, хватка на ломе ослабла, и даже ветер перестал казаться врагом.

— Так лучше, — пробормотала она.

«Так лучше. Теперь иди. И помни: я здесь. Если что-то пойдёт не так — скажи. Я помогу».

И она пошла — уже не как девушка, которая только что нашла нечто невероятное, а как обычная мародёрша, уставшая после долгого дня, которая просто хочет вернуться до-

мой.

Путь до анклава занял не больше двадцати минут, но каждый шаг казался ей испытанием. Она кивала знакомым, отвечала на короткие приветствия, старалась не смотреть в сторону карьера, не задерживаться у подозрительных взглядов, не выдавать себя ни жестом, ни взглядом.

Наконец она добралась до своего угла — контейнера, который когда-то был частью склада, а теперь служил ей домом. Дверь скрипнула, когда она её открыла, и этот звук был таким привычным, что Марта почти улыбнулась. Внутри пахло пылью, старым металлом и чем-то тёплым — запахом места, которое ты называешь домом, даже если оно не заслуживает этого слова.

Она закрыла дверь, прислонилась к ней спиной и только теперь позволила себе выдохнуть по-настоящему.

— Я дома, — прошептала она, скорее для себя, чем для «Януса».

«Ты в безопасности. Пока. Но это ненадолго. Борщ не из тех, кто забывает. И если он начнёт копать — он найдёт. Нам нужно решить, что делать дальше».

Марта сняла куртку, повесила её на крюк, стряхнула с плеч остатки глины. Потом села на край узкой кровати и посмотрела в угол, где на полу лежала старая коробка — в ней хранились вещи, которые напоминали ей о матери: потёртая фотография, кусочек ткани, который пах домом, и маленький металлический брелок в форме птицы.

— Что делать дальше… — повторила она, глядя на брелок. — Прятать тебя? Пытаться вытащить? Или… просто оставить всё как есть и надеяться, что никто не узнает?

«Прятать — значит ждать удара в спину. Вытаскивать — значит объявить войну. А оставлять как есть… мы уже не можем. Связь установлена. Резонанс запущен. Теперь я часть тебя, а ты — часть меня. И кто-то обязательно это почувствует».

Марта подняла глаза, будто могла увидеть сквозь стены, сквозь землю, сквозь весь этот ржавый мир.

— Кто-то почувствует… — прошептала она. — Кто?

«Федерация Кобальт. У них есть сканеры. Есть протоколы. Есть люди, которые ищут аномалии. Рано или поздно они придут. И тогда у нас будет только один выбор: бежать или сражаться».

В комнате повисла тишина, нарушаемая только скрипом ветра за стеной. Марта сидела, глядя на старый брелок, и понимала: её обычная жизнь только что закончилась. Теперь у неё есть напарник, тайна и враг, который ещё не показал своего лица.

— Ладно, — сказала она наконец, поднимаясь. — Сначала — план. Что нам нужно, чтобы спрятать тебя? Инструменты? Материалы? Помощь кого-то, кто не задаёт лишних вопросов?

«Мне не нужно прятаться. Мне нужно стать невидимым. А для этого нужно не просто засыпать промоину — нуж-

но создать ложный след. Сделать так, чтобы сканеры видели обычный обвал, а не аномалию резонанса».

— Ложный след… — Марта нахмурилась. — Ты говоришь, как шпион.

«Я учился у лучших. У пилота, который умел исчезать».

Она улыбнулась — впервые за день улыбка получилась настоящей, без горечи.

— Тогда рассказывай. Что нужно?

И «Янус» начал говорить — не спеша, чётко, раскладывая план по шагам: какие материалы собрать, где их взять, кого можно попросить о помощи, а кого лучше обходить стороной. Марта слушала, записывала на обрывке бумаги, кивала, иногда задавала вопросы. И впервые за долгое время почувствовала: она не одна.





Марта сидела на краю кровати, водила карандашом по обрывку бумаги и пыталась уложить в голове то, что говорил «Янус». План был не из простых: не просто закидать промоину камнями, а сделать так, чтобы сканеры Федерации видели не аномалию, а обычный обвал — с нужной температурой, нужной плотностью, нужным «шумом» в спектре.— То есть ты хочешь, чтобы они думали, что тут просто земля сползла, — пробормотала Марта, выводя на бумаге неровные строчки: «мешки», «плёнка», «пыль», «камень», «магнитный песок».— И чтобы это выглядело… естественно.«Именно. Если положить слишком много экранирующих материалов — это само по себе станет сигналом. Сканеры ищут не только резонанс, они ищут попытки его скрыть. Значит, нужно спрятать укрытие внутри обыденности».— Обыден-

ность… — Марта хмыкнула. — В «Сорок Девятом» обыденность — это ржавые мешки и пыль. Значит, будем строить из того, что не вызывает вопросов.Она подняла взгляд на угол комнаты, где лежал старый брезент — когда-то он укрывал что-то ценное, а теперь был просто ещё одним слоем защиты от ветра. Рядом — моток верёвки, пара перчаток с протёртыми пальцами, банка с машинным маслом, которое она берегла как сокровище.— У меня есть брезент, верёвка, немного масла… — она снова посмотрела на список. — Но этого мало. Нам нужен песок. Не обычный, а такой, чтобы гасил сигнал. Где его взять?«Есть три варианта. Первый — старые склады у восточной стены. Там раньше хранили сыпучие материалы, и часть мешков могла сохраниться. Второй — зона разгрузки у КПП. Там часто просыпают груз, и никто не считает пыль. Третий — у Оскара. Он собирает всякий хлам, но у него бывает и то, что выглядит как мусор, а на деле — ценный материал».Марта поморщилась.— Оскар… — протянула она. — Он хороший механик, но он всё замечает. Если я приду к нему с таким списком, он сразу поймёт, что я прячу что-то большое.«Тогда не приходи с полным списком. Приходи с одной проблемой: тебе нужно укрыть находку от дождя и ветра. Пусть он думает, что ты нашла просто ценный лом. Пусть предложит решение сам. Люди охотнее помогают, когда думают, что это их идея».Марта медленно кивнула.— Хитро. То есть я делаю вид, что просто хочу спасти кусок железа… а он сам подскажет,

как его спрятать.«Да. И если он предложит магнитный песок — мы согласимся. Если не предложит — спросим, где его достать, будто для экранирования от помех. Главное — не называть слово резонанс. Это слово — как маяк для тех, кто ищет аномалии».Она встала, потянулась, чувствуя, как от напряжения ноют плечи. Ветер снаружи снова усилился, и контейнер отозвался скрипом, будто пытался что-то ей сказать.— Ладно, — сказала Марта, застёгивая куртку. — Сначала к складам. Если там ничего нет — тогда к Оскару. И постараюсь выглядеть так, будто мне просто нужно укрыть железяку от дождя.«Принято. И помни: если кто-то задаёт слишком много вопросов — не спорь. Соглашайся, кивай, уходи. В этом анклаве любопытство — это валюта, и платят ею не деньгами».Марта взяла лом — не потому что он был нужен, а потому что без него она чувствовала себя слишком открытой. Потом подхватила пару пустых мешков, которые нашла в углу, и вышла наружу.Ветер тут же попытался выбить из неё решимость, швырнув в лицо горсть пыли. Марта прищурилась, натянула капюшон и пошла вдоль рядов контейнеров, стараясь держаться в тени и не привлекать внимания.Старые склады находились на окраине анклава, почти у самой колючей проволоки, которая отделяла «Сорок Девятый» от пустоши. Когда-то это было большое здание, теперь — скелет из ржавых балок и провисших листов металла. Марта знала это место: здесь часто прятались те, кто не хотел быть замеченным, и здесь же исчезали те, кто слишком

много знал.Она обошла здание по периметру, проверяя, нет ли свежих следов. Следы были — но не свежие, а старые, присыпанные пылью. Кто-то ходил здесь недавно, но не сегодня. Это немного успокоило.Внутри склада пахло сыростью и ржавчиной. Свет пробивался сквозь дыры в крыше, рисуя на полу неровные квадраты. Марта шла осторожно, прислушиваясь к каждому скрипу, к каждому шороху.В дальнем углу она нашла то, что искала: несколько мешков, наполовину разорванных, но ещё крепких. В них когда-то что-то хранили, и на дне ещё оставалось немного серого песка — не того, который нужен, но похожего.— Не идеально, — прошептала она, поднимая мешок и встряхивая его. Песок глухо стучал о ткань. — Но лучше, чем ничего.«Проверь маркировку, — прозвучал голос Януса. — Иногда на мешках остаются бирки. По ним можно понять, что было внутри».Марта наклонилась, вглядываясь в выцветшие буквы. На одном мешке едва читалось: «Песок экранирующий, фракция мелкая». Сердце ёкнуло.— Вот это уже удача, — выдохнула она.«Не радуйся раньше времени. Проверь, не пуст ли он».Она перевернула мешок — и из него высыпалось ещё добрых полведра серого песка. Мелкий, тяжёлый, с лёгким металлическим блеском.— Он настоящий, — Марта улыбнулась, впервые за день чувствуя что-то похожее на облегчение. — У нас есть песок.«Теперь нужно собрать остальное. И сделать это так, чтобы никто не понял, зачем тебе столько материалов».Она собрала ещё два мешка — один с песком, два пустых, и по-

шла к выходу. Но не успела сделать и нескольких шагов, как из темноты между балками показалась фигура.Это был не Борщ. Это был кто-то другой — высокий, в тёмной куртке, с лицом, наполовину скрытым капюшоном. Он стоял неподвижно, будто ждал её.— Далеко собралась, Мышь? — голос был низким, спокойным, но в нём чувствовалась сталь.Марта замерла, сжимая в руках мешки. Лом она держала так, будто это был не кусок железа, а последняя защита.— Да так… — она постаралась говорить небрежно. — Нашла пару мешков. Хочу укрыть одну штуку от дождя. А то промокнет — и никакой цены не будет.Человек шагнул ближе, и Марта разглядела нашивку на куртке — стилизованный щит с молнией. Символ патруля Федерации Кобальт.— От дождя, значит, — повторил он, не сводя с неё глаз. — А что за штука?Марта почувствовала, как внутри всё сжимается. «Янус» молчал — и в этом молчании было что-то тревожное.— Да кусок рамы, — сказала она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Старый, ржавый. Но металл хороший. Хочу выменять на патроны.Патрульный прищурился, скользнул взглядом по её рукам, по мешкам, по лому.— Рама, значит… — протянул он. — Знаешь, Мышь, в последнее время у нас тут странные сигналы. Будто кто-то пытается что-то спрятать. Ты ведь не пытаешься ничего спрятать, правда?Марта покачала головой, стараясь выглядеть спокойной.— Я просто хочу продать железо. Больше ничего.Он ещё несколько секунд смотрел на неё, потом медленно кивнул.— Ладно. Продавай. Но помни:

в этом анклаве всё, что скрыто, рано или поздно становится известным. Особенно если это что-то, что шумит не так, как должно.С этими словами он развернулся и ушёл, оставив после себя ощущение, что этот разговор был не просто случайной встречей, а предупреждением.Когда шаги патрульного стихли, Марта выдохнула, только теперь понимая, как сильно она задерживала дыхание.— Это было близко, — прошептала она.«Очень близко, — голос Януса звучал тихо, но чётко. — Теперь мы знаем: они уже ищут. Сканеры работают. Время на маскировку сокращается».— Значит, надо действовать быстрее, — Марта крепче сжала мешки. — Сначала песок. Потом плёнка. Потом… Оскар.«И не забывай: каждый шаг должен выглядеть как обычная мародёрская рутина. Ни спешки, ни паники. Только деловитость».Она кивнула, поправила мешки и пошла дальше — теперь уже не просто по анклаву, а по минному полю, где каждый взгляд мог стать ловушкой.Путь до мастерской Оскара был недолгим, но Марта шла медленно, стараясь не привлекать внимания. Мастерская находилась в старом гараже, который когда-то был частью автопарка, а теперь служил домом для всего, что в этом мире ещё можно было починить.Дверь была приоткрыта, и изнутри доносился звук — не музыка, не голос, а ровный стук молотка по металлу. Марта остановилась у входа, постучала по косяку.— Эй, Оскар! Есть минутка?Из темноты показалась фигура — невысокий, коренастый мужчина с седыми волосами и руками, покрытыми шрамами и

машинным маслом. Он держал в руках какой-то механизм, но, увидев Марту, отложил его в сторону.— Мышь… — он хмыкнул, оглядывая её с ног до головы. — Опять что-то нашла? Или опять что-то сломалось?Марта улыбнулась — на этот раз улыбка получилась почти настоящей.— Нашла. Но не сломалось. Просто… хочу укрыть от дождя. Боюсь, что промокнет и потеряет цену.Оскар прищурился, будто пытался прочитать между строк.— Укрыть… — протянул он. — И что там у тебя?— Кусок рамы, — Марта старалась говорить спокойно. — Тяжёлый, старый. Но металл хороший. Хочу сохранить до обмена.Оскар кивнул, будто это было самое обычное дело на свете.— Понятно. Значит, тебе нужно что-то, что не пропустит воду, но не вызовет вопросов. Плёнка, брезент, может, немного экранирующего песка, если найдёшь.Марта сделала вид, что задумалась.— Песок… А где его взять? Я нашла немного, но…Оскар хмыкнул и махнул рукой в сторону угла мастерской, где стояли мешки.— Вон там. Бери сколько нужно. Только скажи потом, сколько взяла — я отмечу. У меня тут учёт, знаешь ли. Не для себя — для тех, кто может спросить.Марта кивнула, чувствуя, как внутри разливается облегчение.— Спасибо, Оскар. Ты всегда знаешь, что нужно.Он пожал плечами, будто это не было ничем особенным.— В этом мире выживают те, кто умеет прятать. Главное — не прячь то, что нельзя прятать. Рано или поздно оно вылезет наружу.Марта не ответила. Она просто взяла ещё один мешок, наполнила его песком и пошла

к выходу, чувствуя на себе взгляд Оскара — внимательный, понимающий, будто он знал больше, чем говорил.Когда она вышла на улицу, ветер снова накинулся на неё, но теперь она не чувствовала себя такой беззащитной. У неё были материалы. У неё был план. И у неё был напарник, который знал, как сделать так, чтобы их не нашли.— Теперь к промоине, — сказала она тихо, будто проверяя, как звучит эта мысль вслух.«Сначала — разведка. Нужно убедиться, что там никого нет. И только потом — маскировка».Марта кивнула и пошла вперёд — туда, где земля хранила свою тайну, а небо казалось слишком низким, будто хотело услышать каждый её шаг.



Марта шла к карьеру, и с каждым шагом земля будто становилась тяжелее. Не из-за песка в мешках — из-за того,

что теперь она знала: за ней наблюдают. Не один взгляд, не два, а целая невидимая сеть, которая стягивается вокруг анклава. Ветер больше не казался просто ветром — он нёс чужие слова, чужие шаги, чужие намерения.«Держи темп, — голос Януса звучал ровно, без паники, но в нём чувствовалась собранность, как у человека, который готовится к бою. — Не ускоряйся. Если побежишь — привлечёшь внимание. И не смотри по сторонам слишком часто: это выдаёт, что ты ждёшь удара».— Легко тебе говорить, — пробормотала Марта, крепче прижимая к себе мешки. — Ты лежишь в промоине. А мне тут ходить.«Я не лежу. Я жду. И я вижу то, чего ты не видишь».— Что именно? — спросила она, невольно замедляя шаг.«Слева, у ржавой цистерны — тень. Не двигается, но и не исчезает. Справа, на крыше контейнера — блик от оптики. Кто-то смотрит. Не патруль. У патрульных другая манера стоять. Это охотники. Те, кто ищет не порядок, а выгоду».Марта сжала зубы, стараясь не выдать, что услышала. Она не остановилась, не обернулась — просто чуть изменила маршрут, будто ей вдруг понадобилось обойти груду металлолома, которой раньше тут не было. На самом деле груда была, просто Марта раньше её не замечала. Теперь она стала прикрытием.Она скользнула в тень между контейнерами, прижалась спиной к холодному металлу и только тогда позволила себе выдохнуть.— Охотники… — прошептала она. — Значит, слухи уже пошли.«Слухи — это эхо. Кто-то что-то видел, кто-то что-то придумал, а кто-то

решил проверить. Для них ты — не девочка с мешком песка. Ты — аномалия, которую можно продать».— Кому?«Федерации. Пустому Флоту. Даже Борщу. Для одних ты — ключ к проекту. Для других — разменная монета. Для третьих — просто ещё один способ подняться по лестнице, где каждый шаг оплачен чужими жизнями».Марта закрыла глаза на секунду, пытаясь унять дрожь. Но это была не дрожь страха — это был адреналин, который требовал действия.— Ладно, — сказала она твёрже, чем чувствовала. — Если они следят, значит, нам нужно не просто спрятать промоину. Нам нужно спрятать её так, чтобы даже если они придут и встанут прямо над ней — они ничего не увидят.«Именно. Значит, работаем по плану. Сначала — разведка. Нужно убедиться, что у промоины чисто».Она выглянула из-за угла. Цистерна по-прежнему отбрасывала длинную тень, и в этой тени кто-то был. Не фигура — намёк на фигуру. Марта прищурилась, пытаясь разглядеть детали, но ветер гнал пыль, и мир расплывался, как старая фотография.— Там кто-то есть, — прошептала она.«Вижу. Он ждёт. Или кого-то прикрывает. Нам нужно обойти. Есть тропа вдоль старой дренажной канавы — она ведёт к северному склону карьера. Оттуда до промоины рукой подать, но тебя не будет видно с главных точек».— Тропа… — Марта нахмурилась. — Старая канава? Там же всё осыпается.«Осыпается. Но если идти осторожно — пройдёшь. И выйдешь ровно туда, где нужно. Я помню каждый камень на этом склоне. Двенадцать лет я слушал, как

они падают».Марта кивнула. Решение было принято.— Веди.И она пошла — не по прямой, а змейкой, прячась за обломками, используя каждую тень, каждую груду мусора как щит. Канава оказалась именно такой, какой она её помнила: узкой, скользкой, с осыпающимися краями. Каждый шаг требовал внимания, каждый звук — осторожности.Наконец она добралась до края склона и выглянула. Промоина была внизу — та самая, свежая, будто земля только что зевнула. Вокруг неё — ни души. Только ветер гонял пыль, и камни изредка срывались вниз, ударяясь о борт «Януса».«Чисто, — прозвучал голос. — Но ненадолго. Скоро стемнеет, и патрули сменятся. Новые будут внимательнее».— Значит, работаем быстро, — Марта сбросила мешки и начала раскладывать материалы. — Плёнка, песок, камни…«Сначала — слой экранирующего песка. Тонкий, равномерный. Он должен лечь как пыль, будто его тут всегда было».Марта кивнула, высыпала часть песка и начала распределять его по краю промоины, стараясь, чтобы он лёг естественно, без ровных линий. Потом — плёнка. Её нужно было уложить так, чтобы она не блестела на солнце, не выдавала себя ни формой, ни цветом.— Как будто это просто обвал, — бормотала она, разглаживая плёнку руками. — Просто земля сползла. Ничего особенного.«Теперь — верхний слой. Камни, глина, мусор. Всё, что выглядит как обычный хлам».Она начала сбрасывать сверху камни и комья глины, стараясь, чтобы они легли хаотично, как после настоящего обвала. Каждый камень

отдавался в груди, будто она хоронила не промоину, а часть своей прежней жизни.Когда работа была почти закончена, Марта остановилась, оглядывая результат. Промоина выглядела как ещё одна рана на теле карьера — ничем не примечательная, если не знать, что внутри неё прячется живая рама.— Получилось? — спросила она, глядя вниз, туда, где под слоями песка и глины скрывался борт «Януса».«Получилось. Сканеры увидят обычный обвал. Температура, плотность, структура — всё совпадает. Но это не навсегда. Рано или поздно кто-то решит копнуть глубже».— Пусть копают, — Марта вытерла руки о куртку. — К тому времени мы будем готовы.«Мы будем готовы, — повторил Янус. — Но не забывай: готовность — это не только мешки и песок. Это ещё и люди. Те, кому можно доверять. И те, кого нужно опасаться».Марта посмотрела на закат. Небо было ржаво-оранжевым, как будто само готовилось к бою. Тени становились длиннее, и в этих тенях прятались те, кто ждал своего часа.— Пошли, — сказала она, поднимая оставшиеся мешки. — Пора возвращаться. И думать, что делать дальше.«Принято. Держи темп. И не оглядывайся. Тот, кто следит, сам себя выдаст».И они пошли — не спеша, но уверенно, будто знали, что делают всё правильно. Будто этот вечер был не концом, а началом.



Но когда Марта свернула к ряду контейнеров, она вдруг почувствовала: что-то не так. Воздух стал тяжелее, тишина — напряжённой. И в этой тишине прозвучал знакомый голос.— А я уж думал, ты решила остаться в карьере на ночь, Мышь.Это был Борщ. Он стоял у входа в её контейнер, прислонившись к стене, будто ждал её целую вечность. В руке он держал что-то маленькое, металлическое — брелок в форме птицы. Тот самый, который Марта оставила на столе.— Ты… — Марта сжала кулаки, чувствуя, как внутри всё сжимается. — Ты был у меня дома?Борщ улыбнулся — той самой улыбкой, от которой хотелось шагнуть назад, но Марта не могла.— Был. И знаешь, что я нашёл? Не только этот брелок. Я нашёл следы. Свежие. Ведущие к карьеру. И обратно. И знаешь, кто их оставил? Ты.Марта молчала. Сло-

ва застряли в горле, будто кто-то сжал его рукой.— Не надо молчать, — Борщ шагнул ближе, и в его глазах было не злорадство — был расчёт. — Я не собираюсь тебя сдавать. Пока. Но я хочу знать, что ты нашла. И хочу быть в доле.— У меня ничего нет, — сказала Марта, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо.— Есть, — Борщ покачал головой. — И я это знаю. Так что давай без игр. Что в промоине?Марта смотрела на него, пытаясь понять: враг он или союзник? Опасность или шанс? И в этот момент она услышала тихий голос в голове:«Не лги. Но и не говори всей правды. Дай ему то, что он сможет продать. Пусть думает, что знает всё».— Хорошо, — сказала Марта, опуская мешки. — Я нашла раму. Старую. Но в ней есть кое-что ценное. Не металл. Данные. Архив. Тот, кто его достанет, сможет многое узнать.Борщ прищурился, будто пытался прочитать между строк.— Архив… — протянул он. — Это уже интереснее. И кто его достанет?— Я, — сказала Марта. — Но мне нужна помощь. Чтобы никто не мешал. Чтобы отвлечь патруль. Чтобы дать мне время.Борщ хмыкнул, покрутил брелок в пальцах.— Помощь… — повторил он. — Значит, ты предлагаешь сделку.— Предлагаю, — Марта посмотрела ему прямо в глаза. — Ты помогаешь мне добраться до данных. Я делюсь тем, что найду. Поровну.Он ещё несколько секунд смотрел на неё, потом медленно кивнул.— Ладно. По рукам. Но помни: если ты меня подведёшь — я найду тебя даже под землёй.— Договорились, — Марта протянула руку, и Борщ пожал её — крепко, без лиш-

ней теплоты, но и без угрозы.Когда он ушёл, Марта прислонилась к стене контейнера, чувствуя, как дрожат ноги.— Это было… рискованно, — прошептала она.«Рискованно, — согласился Янус. — Но умно. Теперь у нас есть союзник. И у него есть свои мотивы. Пока они совпадают с нашими — мы в безопасности».— Пока, — повторила Марта, глядя на закат. — Пока.



Ночь над «Сорок Девятым» опускалась не плавно, а рывками — будто кто-то дёргал за верёвку, и тьма наваливалась кусками: то накрывала карьер, то отступала к анклаву, то снова возвращалась, густая и тяжёлая, как машинное масло. Фонари горели тускло, экономя энергию, и в их свете тени казались живыми — они шевелились, вытягивались, сливались друг с другом, будто готовились к чему-то.Марта сто-

яла у края промзоны, прячась за ржавым каркасом старого погрузчика. В груди колотилось сердце — не от бега, а от ожидания. Она смотрела на тропу, по которой должен был прийти Борщ. Он опаздывал на семь минут. В этом мире семь минут могли означать всё что угодно: от «зацепился за разговор» до «его уже нет».«Он придёт, — голос Януса звучал в голове спокойно, почти буднично, как будто они обсуждали, где лучше поставить ящик. — У Борща нюх на выгоду. Он не бросит шанс получить то, что скрыто в архиве. Даже если ради этого придётся рискнуть».— А если его взяли? — прошептала Марта, сама не замечая, что говорит вслух. — Если патруль перехватил его по дороге?«Тогда мы будем действовать сами. Но пока ждём. И держим дыхание».Она кивнула, хотя никто не мог её увидеть. Пальцы сжимали лом — не как оружие, а как якорь, который не давал ей сорваться в панику.И тут из темноты вынырнула знакомая фигура. Борщ шёл быстро, пригибаясь, будто хотел стать ниже, незаметнее. На плече у него висел моток верёвки, а в руке — что-то маленькое и блестящее: компактный сканер, который он добыл где-то на чёрном рынке.— Ну, Мышь, — выдохнул он, подходя ближе и прислоняясь к каркасу рядом с ней. — Ты уверена, что это стоит того? У меня есть предчувствие, что мы сейчас не клад ищем, а неприятности на свою голову.Марта посмотрела ему прямо в глаза — не с вызовом, а с просьбой.— Я уверена. И ты тоже. Иначе бы не пришёл.Борщ хмыкнул, но в этом звуке не было насмешки

— только усталость и азарт.— Ладно. Где эта твоя промоина?— Отсюда недалеко, — Марта указала на склон. — Но спускаться нужно тихо. И быстро.«Спуск — по левой тропе, — подсказал Янус. — Там осыпается меньше. И есть выступ, за которым можно укрыться, если патруль пойдёт вдоль края».Марта повторила маршрут шёпотом, и Борщ кивнул, будто это был обычный план по выносу груза, а не тайная вылазка к аномалии.Они двинулись вниз — не парой, а двумя одиночками, которые случайно оказались в одном месте и в одно время. Каждый шаг Марта проверяла: не хрустнет ли камень, не сорвётся ли глина, не выдаст ли их ветер.Когда они добрались до дна промоины, Марта почувствовала, как напряжение чуть ослабло. Борщ огляделся, прищурился, глядя на борт рамы, на едва заметное голубое свечение, которое пробивалось из щели.— Это и есть твой клад? — пробормотал он. — Выглядит как кусок старого хлама.«Я не хлам, — прозвучало в голове Марты, и она едва сдержала улыбку. — Я — архив. И я жду, когда меня откроют».— Не хлам, — сказала Марта вслух, стараясь говорить твёрдо. — Это… система. Старая, но рабочая. В ней есть данные. Много данных. И они стоят дорого.Борщ посмотрел на неё, потом снова на раму, будто пытался увидеть то, что видела она.— Данные… — протянул он. — И как ты собираешься их достать? Тут нет ни разъёмов, ни экранов. Ничего.Марта на секунду закрыла глаза. Она знала, что сейчас придётся сказать то, что она не хотела говорить никому.— Мне не

нужны разъёмы, — прошептала она. — Я… могу подключиться. Через резонанс.Борщ замер, и в его взгляде мелькнуло то, чего она боялась больше всего — понимание. И расчёт.— Резонанс… — повторил он. — Значит, ты не просто нашла эту штуку. Ты… с ней связана.Марта кивнула, не отводя взгляда.— Связана. Но я не игрушка. И не подопытный образец. Я — пилот. И я знаю, как это работает.Борщ ещё несколько секунд смотрел на неё, потом медленно кивнул.— Ладно. Допустим. Что нужно сделать?«Нужно снять внешнюю панель, — голос Януса стал чётче, будто он готовился к работе. — Там есть интерфейс. Он неактивен, но если Марта коснётся его — он запустится. И тогда начнётся синхронизация».— Нужно снять панель, — Марта показала на участок борта, где металл был чуть тоньше, а заклёпки выглядели слабее. — Потом… я коснусь интерфейса. И получу доступ к данным.Борщ молча кивнул, достал из кармана небольшой инструмент — гибрид отвёртки и рычага — и начал аккуратно снимать панель. Металл сопротивлялся, скрипел, но поддавался. Через несколько минут панель лежала на земле, а под ней открылся небольшой отсек — тёмный, с едва заметными светящимися линиями, похожими на вены.— Вот он, — прошептал Борщ, будто боялся спугнуть момент. — Интерфейс.Марта глубоко вдохнула, чувствуя, как холод промоины пробирается под куртку. Она посмотрела на Борща, будто искала в его глазах хоть каплю поддержки.— Когда я коснусь, — сказала она тихо, — может быть… больно.

И странно. Не пугайся.Борщ сжал губы, кивнул.— Я не пугаюсь. Просто скажи, если что-то пойдёт не так.Она протянула руку и коснулась светящихся линий.В тот же миг мир дрогнул.Не физически — внутри. Перед глазами вспыхнули кадры, не её воспоминания, а чужие: коридоры бункера, лица людей в белых халатах, экраны с бегущими строками кода, голос, который говорил: «Проект Янус — это не машина. Это мост». Потом — тишина, густая, как смола, и в этой тишине прозвучал голос «Януса», теперь не в голове, а будто прямо перед ней:«Доступ получен. Начинаю выгрузку архива. Внимание: данные содержат уровни доступа, протоколы безопасности и личные файлы пилота. Подтверди, хочешь ли ты видеть всё?»Марта сжала зубы, чувствуя, как по виску стекает капля пота.— Да, — прошептала она. — Всё.И тогда началось.Картинки, голоса, документы — всё это хлынуло в сознание, как вода через прорванную плотину. Марта видела отчёты о проекте «Янус», схемы бункеров, списки имён — и среди них было одно, которое заставило её сердце сжаться: имя её матери.«Марта, — голос Януса снова стал спокойным, почти заботливым. — Ты видишь то, что должна была увидеть. Твоя мать была ведущим инженером проекта. Она знала, что однажды ты найдёшь меня. И она оставила для тебя сообщение».Перед глазами всплыл текст — не на экране, а прямо в сознании, чёткий и ясный:«Если ты читаешь это, значит, ты нашла Януса. Не позволяй никому использовать его. Он — не оружие. Он — память. И ты — её храни-

тель. Прости, что мне пришлось спрятать тебя. Прости, что не смогла защитить. Но знай: ты сильнее, чем думаешь. И ты не одна».Марта закрыла глаза, пытаясь унять дрожь. Слезы не шли — их будто высушил этот ржавый воздух, этот холодный свет, этот чужой, но такой родной голос.— Что там? — голос Борща прорвался сквозь шум в голове. — Что ты видишь?Марта открыла глаза, посмотрела на него — и вдруг поняла: он не враг. Не союзник по расчёту. Он просто человек, который оказался рядом в тот момент, когда ей было нужно не спасение, а присутствие.— Там… — она сглотнула. — Там правда. О проекте. О моей матери. О том, почему я здесь.Борщ нахмурился, будто пытался понять, что с этим делать.— И что теперь?Марта выпрямилась, чувствуя, как внутри что-то встаёт на место.— Теперь мы знаем, что ищем не просто данные, — сказала она твёрдо. — Мы ищем правду. И мы не позволим Федерации забрать её.«Принято, пилот, — прозвучал голос Януса. — Архив частично выгружен. Осталось несколько блоков с высоким уровнем защиты. Для их доступа потребуется физический перенос данных. Есть способ — но он рискованный».— Какой способ? — спросила Марта вслух.«Есть модуль памяти. Он встроен в систему. Если его извлечь, данные можно перенести на внешнее устройство. Но при извлечении система временно отключится. И на несколько минут я стану… обычным железом».Марта посмотрела на борт рамы, на светящиеся линии, на следы времени и ржавчины.— Ты станешь обычным

железом, — повторила она. — А я… останусь одна.«Ты не будешь одна. У тебя есть Борщ. И у тебя есть план. И у тебя есть цель».Она снова посмотрела на Борща. Он ждал, не торопил, не давил — просто стоял рядом, готовый к следующему шагу.— Хорошо, — сказала Марта. — Делаем это. Но сначала — страховка. Если что-то пойдёт не так, ты уносишь модуль. Даже если меня не будет рядом.Борщ медленно кивнул.— Договорились.«Модуль находится за второй панелью, — сказал Янус. — Справа от интерфейса. Он выглядит как небольшой цилиндр с маркировкой Y-01. Осторожно: при снятии возможны скачки напряжения».Марта нашла панель, сняла её — на этот раз быстрее, увереннее. За ней действительно был цилиндр — небольшой, тяжёлый, с тусклым голубым свечением.— Вот он, — прошептала она, протягивая руку.И в этот момент сверху, с края промоины, раздался голос — резкий, металлический, усиленный динамиком:— Стоять! Руки вверх! Вы окружены!Марта замерла, пальцы зависли в сантиметре от модуля. Борщ выругался сквозь зубы.— Патруль, — прошептал он. — Они нас вычислили.«Они не просто вычислили, — голос Януса звучал теперь напряжённо. — Они ждали. Это засада».Сверху начали спускаться фигуры в броне, с оружием наготове. Свет фонарей бил в глаза, выхватывая из темноты детали: ремни, нашивки, холодные взгляды.— Мы не успеем, — Борщ потянулся к верёвке, будто собирался драться или бежать — Марта не знала.Но она знала другое.— Успеем, — сказала она, хватая

модуль. — Держи их. Хоть минуту.И она коснулась цилиндра.Мир снова дрогнул — но на этот раз не от воспоминаний, а от энергии. Модуль вспыхнул, свет стал ярче, и в голове Марты прозвучало последнее, что сказал «Янус» перед отключением:«Прости, пилот. Теперь ты сама. Но ты справишься».Свет погас. Рама стала просто железом — тяжёлым, холодным, безмолвным.А внизу, в промоине, осталась Марта — с модулем в руке, с правдой в голове и с пониманием: игра только началась.



Фонари патруля резали темноту, выхватывая из неё куски реальности: ржавый борт «Януса», перекошенный край промоины, пыль, которая вдруг стала казаться не просто пылью, а чем-то вещественным, тяжёлым, будто сама земля пыталась удержать Марту на месте.

— Брось модуль! — рявкнул голос сверху, усиленный динамиком. — И руки вверх! Сейчас же!

Марта не бросила. Пальцы намертво вцепились в цилиндр — холодный, тяжёлый, пульсирующий остаточным теплом. В голове звенело от тишины: «Янус» молчал. Он не мог подсказать, не мог вести, не мог защитить. Он стал просто железом. И впервые за всё время Марта почувствовала, что осталась по-настоящему одна.

Но не совсем.

Борщ шагнул вперёд, закрывая её собой — не как герой, а как человек, который слишком долго жил среди опасностей и знал, где проходит грань между храбростью и глупостью.

— Эй, ребята! — крикнул он, подняв руки, но не слишком высоко — ровно настолько, чтобы не выглядеть угрозой. — Спокойно! Тут нет никакой угрозы. Просто девчонка нашла старый блок памяти. Хочет продать. Обычная мародёрка, ничего особенного!

Сверху хмыкнули — звук был недобрый, металлический.

— Обычные мародёрки не прячут находки в промоинах. Обычные не возятся с экранирующим песком. Обычные не привлекают внимание сканеров. Ты думаешь, мы не видели всплески?

Борщ не дрогнул.

— Видели — потому что тут обвал был. Земля сползла. А модуль — просто повезло найти. Хотите — забирайте. Только не стреляйте.

Патрульные переглянулись — насколько Марта могла разглядеть в свете фонарей. Они были настороже, но не в ярости. Это были не каратели — это были охотники за артефактами, которым важнее было забрать ценное, чем устраивать бойню в карьере.

— Модуль сюда, — приказал старший. — Медленно. Без резких движений.

Марта сжала зубы. Отдать модуль — значит отдать всё: правду о матери, данные проекта, единственный ключ к тому, кто она есть. Но если она не отдаст — они возьмут силой. И тогда не будет ни шанса, ни будущего.

И тут в голове у Марты вспыхнуло воспоминание — не её, а из архива: короткая инструкция, мельком замеченная среди протоколов безопасности. «Модуль Y-01: активация резервного копирования при критическом уровне угрозы. Удерживать контакт 3 секунды, затем резко разорвать».

Она не знала, сработает ли это. Не знала, сколько данных успеет уйти. Но знала одно: шанс — это всё, что у неё есть.

Не сводя глаз с патрульных, она прижала модуль к бедру — туда, где куртка была протёрта до подкладки, где ткань почти не мешала контакту. И замерла.

Три секунды.

В эти три секунды мир сжался до точки: до холодного металла в пальцах, до тяжёлого дыхания Борща, до света фонаря, который бил прямо в глаза и превращал всё вокруг в чёрно-белую сцену из старого фильма.

Раз. Два. Три.

Она резко отдёрнула модуль.

Где-то внутри цилиндра что-то щёлкнуло, и на долю секунды он вспыхнул тусклым голубым светом — не ярче, чем раньше, но как-то иначе: будто выдохнул.

«Копирование завершено, — прозвучало в голове — не голосом «Януса», а сухим, механическим тоном системы. — Резервная копия сохранена в локальном кэше. Доступ ограничен. Уровень угрозы: критический».

Марта едва удержалась, чтобы не выдохнуть с облегчением. Она не потеряла всё. Часть данных была спасена.

— Ну? — рявкнул старший патрульный. — Модуль. Сейчас.

Медленно, будто каждое движение давалось с трудом, Марта подняла руку и протянула цилиндр. Патрульный внизу — молодой, с жёстким взглядом — схватил его, тут же сунул в герметичный контейнер и защелкнул крышку.

— Теперь руки вверх, — повторил он. — Оба.

Борщ и Марта подняли руки. Вокруг них начали смыкаться фигуры в броне.

— Идём, — сказал старший. — В штаб. Там разберёмся, что вы тут прятали.

Их повели вверх по склону — не грубо, но и не мягко, с той равнодушной твёрдостью, с какой ведут тех, кто перестал быть проблемой и стал грузом. Марта шла, чувствуя, как под курткой, в подкладке, едва заметно вибрирует крошечный

чип — тот самый, в который успела уйти резервная копия. Он был почти невесомым, но теперь казался самым тяжёлым предметом на свете.

Когда они выбрались наверх, Марта бросила последний взгляд на промоину. Там, внизу, лежал «Янус» — безмолвный, тёмный, будто уснувший. Но она знала: это не конец. Это пауза.

Борщ поймал её взгляд и чуть заметно кивнул — не с надеждой, а с пониманием: они сделали всё, что могли. И теперь придётся играть дальше, уже не по своим правилам.

Анклав «Сорок Девятый» встретил их тишиной — той особенной тишиной, которая бывает перед бурей. Редкие фонари горели тускло, будто стыдились освещать то, что происходило. Контейнеры стояли рядами, как молчаливые свидетели, и в их тенях прятались те, кто всё видел и всё понимал, но предпочитал не вмешиваться.

Штаб патруля был старым бункером, переделанным под командный пункт. Внутри пахло озоном, металлом и страхом — тем особым запахом, который остаётся там, где люди слишком часто сталкиваются с чем-то, чего не могут объяснить.

Марту и Борща завели в допросную — маленькую комнату без окон, с единственным столом и двумя стульями. Стены были глухими, звукоизолированными. Здесь не кричали — здесь ломали тихо.

Старший патрульный снял шлем, положил его на стол и

посмотрел на них — не как на преступников, а как на детали головоломки, которые никак не хотели складываться.

— Итак, — сказал он спокойно, почти устало. — Что вы прятали в промоине?

Марта молчала. Она знала: каждое слово теперь — оружие. И если она скажет правду, её используют. Если соврёт — её поймают на лжи.

Борщ опередил её.

— Старый модуль, — сказал он ровно. — Мы хотели продать. Не знали, что он такой ценный.

Старший усмехнулся — без веселья.

— Не знали… А зачем тогда экранирующий песок? Зачем маскировка? Зачем обходить патрули?

— Потому что в этом мире всё, что ценно, хотят отобрать, — ответил Борщ. — Мы просто хотели дотянуть до покупателя.

Старший помолчал, потом посмотрел прямо на Марту.

— Ты… другая. Я это вижу. Ты не просто мародёрка. Ты знаешь, что это за модуль. Ты знаешь, что в нём.

Марта встретила его взгляд. И вдруг поняла: врать больше нет смысла. Но и говорить всю правду — нельзя. Нужно дать ровно столько, чтобы они перестали видеть в ней угрозу.

— Я знаю, — сказала она тихо. — Я знаю, что там данные. О проекте «Янус». О людях, которые его создавали. И о том, почему он оказался здесь.

Старший нахмурился.

— «Янус»… — повторил он. — Это старое название. Его давно не используют.

— А я использую, — Марта чуть наклонила голову. — Потому что это имя моего напарника. И он был не просто машиной.

На секунду в комнате стало тихо — так тихо, что было слышно, как гудит вентиляция.

— Напарник… — протянул старший. — Значит, ты была с ним связана.

Марта кивнула.

— Была. И я знаю, что Федерация хочет использовать эти данные. Я знаю, что они хотят снова запустить проект. И я не позволю им сделать это.

Старший откинулся на спинку стула, сцепил пальцы в замок. В его взгляде было не злорадство и не сочувствие — был расчёт.

— Знаешь что? — сказал он наконец. — Я тебе верю. Не всему. Но в главном — верю. Ты не хотела власти. Ты не хотела денег. Ты хотела защитить то, что нашла.

Марта не ответила. Она просто смотрела на него, пытаясь понять, к чему он ведёт.

— Но защита — это не только прятать, — продолжил он. — Иногда защита — это выбирать сторону. Ту, которая не даст проекту стать оружием.

Он сделал паузу, будто давая ей время осознать сказанное.

— У меня есть предложение. Ты рассказываешь мне всё,

что знаешь о «Янусе». Не сейчас. Потом. Когда мы будем одни. А я… я помогу тебе выйти отсюда. И помогу спрятать то, что ты успела сохранить.

Марта почувствовала, как внутри всё сжалось. Это был не подарок. Это была сделка. И цена могла оказаться слишком высокой.

— Почему? — спросила она. — Почему ты хочешь помочь?

Старший посмотрел на неё долго, будто решая, стоит ли говорить правду.

— Потому что я тоже был частью этого проекта, — сказал он тихо. — Давно. До того, как всё пошло не так. И я знаю, чем это может закончиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.